

M $\frac{85}{1720}$

$\frac{801-13}{814}$

В. ВУНДТЪ.

ДУША И МОЗГЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
1909.

2011122968

Какъ въ политической жизни неожиданный успѣхъ нерѣдко порождаетъ преувеличенную оцѣнку достигнутаго или вызываетъ обманчивыя надежды на будущіе успѣхи, такъ и въ наукѣ за блестящими открытіями большей частью слѣдуютъ преувеличенныя представленія о размѣрахъ достигнутаго познанія. Зато непосредственно слѣдующая эпоха тѣмъ болѣе склонна предаваться столь же чрезмѣрному отчаянію.

Въ области физиологическихъ послѣдованій врядъ-ли была эпоха болѣе благоприятная для подобныхъ сангвиническихъ самообольщеній, чѣмъ середина XVII столѣтія. Ей предшествовали переворотъ въ идеяхъ, вызванный Коперниковой системой міра, Галилей только что создалъ для механики прочное основаніе, и всѣ съ успѣхомъ старались свести физическія явленія къ механическимъ теоремамъ. Гарвей открылъ кровообращеніе и доказалъ, что это—механический процессъ нагнетанія, служащій главнымъ двигателемъ всѣхъ жизненныхъ отравленій. Можно-ли удивляться, что въ то время всѣ твердо были убѣждены, будто вполне разобрали человѣческой организмъ, какъ естественную машину; и что въ простительномъ усердіи нерѣдко смѣшивали поспѣшныя гипотезы съ доказанными фактами.

Историческимъ выраженіемъ этого направленія служить, главнымъ образомъ, натуръ-философія Декарта. Въ ней побѣдоносная самоувѣренность механическаго естествознанія соединялась со стремленіемъ философа къ

законченному міросозерцанію. Декартъ объяснилъ все, что только есть на небѣ и на землѣ. Несмотря на знаменитое сомнѣніе во всемъ, долженствовавшее проложить ему дорогу къ познанію, никакая тѣнь сомнѣнія не набѣгаетъ на изложение его натуръ— философскихъ гипотезъ. Но наиболѣе зрѣлымъ плодомъ этой первой и, надо сознаться, не превзойденной еще по полнотѣ механической натуръ-философіи, является его ученіе объ отношеніи между мозгомъ и душой. Ему онъ самъ придавалъ наибольшее значеніе, такъ какъ оно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ основами его философіи. Неоднократно возвращается онъ къ нему въ своихъ сочиненіяхъ, и оно-то и побуждаетъ его, главнымъ образомъ, къ анатомическимъ изслѣдованіямъ. Успѣхъ не заставилъ себя ожидать. Декартезианское ученіе объ отношеніи души къ тѣлу долѣе всего пережило систему автора, хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ. Искусственное зданіе гипотезъ, которое построено было на астрономическихъ и физическихъ знаніяхъ его эпохи, принадлежитъ исторіи. Но слѣды его ученія замѣтны повсюду въ воззрѣніяхъ на отношенія души и тѣла, и теперь еще преобладающихъ среди образованныхъ людей всѣхъ странъ и народовъ. Многимъ кажется само собой разумѣющимся, что душа—нѣчто внѣпространственное—сидитъ въ определенной точкѣ мозга и отсюда какъ воспринимаетъ впечатлѣнія отъ тѣла, такъ и передаетъ ему таковыя. Но не многіе знаютъ, что этотъ взглядъ, хотя и равнѣе намѣчавшійся, въ существенномъ обязанъ своимъ происхожденіемъ и, главное, широкой популярностью знаменитому философу XVII вѣка.

Тотъ-же тонъ догматической достовѣрности, какимъ отличается натуръ-философія Декарта, проходитъ и черезъ его ученіе о мозгѣ. Конечно, онъ даетъ лишь довольно

поверхностныя свѣдѣнія о строеніи и функціяхъ этого органа. Но онъ ни на юту не сомнѣвается въ справедливости того, что утверждаетъ. Рѣдко въ послѣдующее время кто-либо былъ такъ увѣренъ въ своей правотѣ. Еще сто съ лишнимъ лѣтъ назадъ физиологи въ этомъ пунктѣ чуть не ограничивались замѣчаніемъ, что люди и животныя, потерявши свой мозгъ, впадаютъ въ идіотизмъ, а одинъ добросовѣстный анатомъ заключилъ свое тщательное описаніе внѣшнихъ формъ признаемъ, что мы ровно ничего не знаемъ о внутреннемъ строеніи мозга. Въ наше время сцена опять совершенно измѣнилась. Благодаря соединеннымъ усиліямъ микроскопическаго изслѣдованія, вивисекціи и патологическаго наблюденія удалось собрать массу данныхъ, которыя, повидимому, начинаютъ понемногу складываться въ одну систему. Неудивительно, что и теперь умами овладѣваетъ иногда гордая увѣренность въ побѣдѣ, способная обмануть насъ на счетъ размѣровъ достигнутаго и ведущая къ поспѣшнымъ гипотезамъ о неразрѣшенныхъ загадкахъ. Въ то-же время природа вопроса влечетъ за собой то послѣдствіе, что физиологія отчасти оперируетъ понятіями, заимствованными изъ психологіи или изъ какой нибудь психологической системы, отчасти же развиваетъ определенные воззрѣнія, которыя требуютъ психологической проверки. Такимъ образомъ въ настоящее время и психологу представляется почти неизбежная необходимость отдать себѣ отчетъ въ выводахъ, на какіе даютъ право вновь приобретенныя познанія. Прошли уже тѣ дни, когда спокойно можно было почивать на ложѣ нецанія, ожидать событій и между прочимъ строить фантастическія гипотезы о мѣстѣ нахождения души. Факты говорить черезчуръ громко, чтобы ихъ можно было игнорировать. Но чему учать насъ эти факты въ психологіи?

Что показывают они намъ относительно основъ нашей умственной жизни? Подтверждаютъ-ли они распространенные взгляды или вынуждаютъ замѣнить ихъ другими? Прежде чѣмъ обратиться къ этимъ вопросамъ, намъ необходимо установить самые факты, насколько это возможно безъ предположенія специальныхъ познаній. Для этого бросимъ предварительно короткій взглядъ на развитіе, которое прошла физиологія мозга отъ механической натуръ-философіи XVII вѣка до нашихъ дней.

I.

Ученіе Декарта о томъ, что душа соединяется съ тѣломъ въ определенномъ пунктѣ мозга, вытекло не только изъ общихъ взглядовъ на различіе умственной и физической субстанцій, но также и изъ физиологическихъ воззрѣній философа. Въ мозгѣ, какъ онъ думаетъ, соединяются всѣ нервы органовъ чувствъ и двигательныхъ частей. Въ качествѣ движениій тонкаго заключенаго въ первахъ чувствъ вещества, нервныхъ или жизненныхъ духовъ, чувственные впечатлѣнія распространяются вплоть до мозговыхъ впадинъ, наполненныхъ до краевъ этимъ веществомъ. Съ послѣдними же стоитъ въ непосредственной связи матеріальный носитель души, мозговая железа. Она по двумъ причинамъ необходимо является вмѣстилищемъ души: во-первыхъ, вслѣдствіе своей связи съ мозговыми впадинами, сборными пунктами нервныхъ духовъ, и, во-вторыхъ, она единственное непарное образованіе мозга. Нервные духи въ обратномъ движеніи спѣшатъ изъ мозговыхъ впадинъ черезъ двигательные нервы къ мускуламъ. Душа господствуетъ и регулируетъ эти теченія: изъ впечатлѣній нервовъ ощущающихъ она образуетъ свои представленія, а посредствомъ воли она оказываетъ обратное вліяніе на двигательные нервы и

мускулы. Но иногда теченіе нервныхъ духовъ можетъ и безъ вѣдома души перескочить изъ одного рода нервовъ на другой и, т. обр., произвести тѣ непривольныя и часто бессознательныя движенія, которыя мы называемъ теперь рефлекторными. Подобнымъ-же образомъ и другія проявленія умственной дѣятельности сводятся къ определеннымъ мозговымъ процессамъ: изъ оставшихся въ мозговыхъ волокахъ слѣдовъ движениій возникаютъ фантастическія картины, изъ движениій нервовъ, соединяющихъ сердце съ мозгомъ,—душевные волненія, изъ движениій другихъ нервовъ организма — страсть. Обращаясь, такимъ образомъ, для объясненія внутреннихъ явленій къ физическимъ процессамъ, происходящимъ внѣ души, эта психологія какъ-бы наводитъ на вопросъ, не излишня-ли во всемъ этомъ механизмѣ сама душа? И дѣйствительно, Декартъ даже животныхъ считаетъ уже бездушными машинами. Когда представители позднѣйшаго французскаго матеріализма примѣняли все это и къ человѣку, они съ нѣкоторымъ правомъ могли ссылаться на отца новаго спиритуализма, физиологическія представленія котораго они себѣ усвоили.

Тѣмъ не менѣе дуалистическая гипотеза Декарта удерживала господствующую позицію въ теченіе всего прошлаго столѣтія. Даже споры физиологовъ касаются, главнымъ образомъ, вопроса, на какомъ благоприятномъ для этого пунктѣ душа приходитъ въ соприкосновеніе съ нервными духами. Длинный списокъ такихъ мнѣній собираетъ Альбрехтъ Галлеръ въ своихъ „Элементахъ физиологіи“. Объ одной изъ наиболѣе ходячихъ, наиболѣе близкой къ картезіанскому міровоззрѣнію и считавшей такимъ пунктомъ мозговья впадины, говоритъ еще Кантъ подъ конецъ своей жизни, по поводу книги анатома Земмеринга,—не безъ вѣкоторой прощія. Въ

своей маленькой статейкѣ онъ благосклонно принимается за обсужденіе гипотезы, старается отыскать въ ней наилучшія стороны, но въ концѣ концов остроумно сравниваетъ подобныя попытки съ попыткой математика, желающаго превратить воображаемыя величины въ реальные. Критическій философъ, разрушитель старой метафизики долженъ былъ относиться къ своей критикѣ этихъ картезианскихъ привидѣній не многимъ иначе, чѣмъ въ другомъ случаѣ, когда ему пришлось спустити до критики фантазій духовидца Сведенборга.

Однако, какъ въ предѣлахъ науки, такъ и внѣ ихъ старая метафизика пережила критическую философію, и еще въ нашемъ столѣтіи не прекратились споры о „вѣсталищѣ души“; даже, страннымъ образомъ, какъ разъ убитая Кантомъ школьная философія приобрѣла прежде всего вліяніе на физиологическія воззрѣнія. Основатель этой школьной философіи, Христіанъ Вольфъ, отпалъ отъ Лейбница въ своихъ воззрѣніяхъ на отношенія души и тѣла и снова сдѣлался картезианцемъ. Для него міръ не является гармонической системой душеподобныхъ простыхъ существъ; только душу считаетъ онъ таковымъ, монадой, и потому она по существу отличается для него отъ протяженной до безконечности дѣлимой матеріи. Но возвращаясь, такимъ образомъ, къ Декарту въ метафизикѣ, Вольфъ далеко удаляется отъ него въ своихъ психологическихъ предположеніяхъ. Психологія Декарта, независимо отъ своихъ безпочвенныхъ физиологическихъ гипотезъ, все еще удерживала единство и вѣдлимость души: представленія, чувствованія, желанія были здѣсь тѣсно между собой связанными явлениями, различными скорѣе съ внѣшней стороны, чѣмъ по внутреннему существу своему. Вольфъ же, страстный классификаторъ во всѣхъ областяхъ, чересчуръ часто

считавшій науку законченной, если она приводила свои понятія въ стройную систему, Вольфъ обращался съ внутреннимъ опытомъ какъ съ областью государства, гдѣ прежде всего важно знать дѣленіе на провинціи, округа и участки. Но подобно тому, какъ при поверхностномъ географическомъ обученіи это раздѣленіе становится главной темой, такъ и Вольфова психологія почти дѣлится исчерпывалась различіемъ между, такъ наз., способностями души, которыя сначала дѣлились на главныя способности, напримѣръ, познанія и желанія, а затѣмъ на массу второстепенныхъ, составляющихъ виды главныхъ: напримѣръ, познаніе дѣлится на чувствительность, силу воображенія, память, разумъ и т. д. Какъ въ Мольтеровскомъ „Мнимомъ больномъ“, врачъ разсуждаетъ: „Опійумъ приноситъ сонъ, потому что въ немъ есть virtus dormitiva“, такъ и въ психологическихъ сочиненіяхъ Вольфовой школы можно найти не мало разсужденій, смыслъ которыхъ въ существеномъ сводится къ положенію: человекъ мыслитъ, потому что имѣетъ разумъ.

Однако, въ физиологіи вліяніе Вольфовой системы чувствуется почти что до нашего времени. Рядомъ съ прежними попытками опредѣлить вѣсталище души стали проявляться теперь стремленія указать опредѣленныя области отдѣльнымъ способностямъ души. Изобрѣтательность анатомовъ оказалась въ этомъ отношеніи довольно плодотворной. Одни помѣщаютъ память въ мозолистомъ веществѣ мозга, другой считаетъ послѣднее болѣе удобнымъ помѣщеніемъ для фантазій, третій ищетъ фантазій въ аммоновыхъ рогахъ или отводитъ мозолистое вещество разуму и т. п.

Завершеніе это направленіе получило въ началѣ нашего столѣтія въ френологіи, основанной Фридрихомъ

Галлемъ. Последняя не была, какъ обыкновенно думаютъ, совершенно новымъ изобрѣтеніемъ или внезапнымъ открытіемъ родоначальника ея; она естественнымъ путемъ развила изъ давно распространенныхъ представлений объ анатоміи мозга, подъ одновременнымъ вліяніемъ психологіи, родившейся на почвѣ школьной философіи прошлаго вѣка. Галль только сдѣлалъ довольно близкое заключеніе, объявивъ, что о локализациі души, какъ таковой, не можетъ быть рѣчи, но лишь о локализациі ея различныхъ способностей. Точно также можно было, въ противоположность прежнимъ совершенно безосновательнымъ предположеніямъ, смотрѣть какъ на прогрессъ на его требованія, чтобы локализациа душевныхъ способностей была установлена путемъ наблюденія. Френологія приобрѣла свой ненаучный характеръ лишь вслѣдствіе ложныхъ предположеній, изъ которыхъ она исходила, и вслѣдствіе ложнаго метода изслѣдованія. Форма черепа должна быть опредѣлена исключительно ростомъ мозга, его поверхность должна быть вѣрнымъ отраженіемъ поверхности мозга. И то и другое неврѣно: почти въ такой-же степени, въ какой костный ящикъ зависитъ отъ намѣненія фигуры его содержимаго, послѣднее въ своемъ ростѣ сообразуется съ первымъ, и во многихъ мѣстахъ утолщенія и полости въ кости мѣшаютъ намъ выводить заключенія о формѣ подлежащихъ частей мозга. По ученію Галля, которое должно вѣдь относиться и къ близко родственному челоуѣку животнымъ, гориллы должны отличаться необыкновеннымъ развитіемъ органа богобоязни. Къ сожалѣнію, этотъ органъ — огромный костный гребень, образующійся на мѣстѣ спянія обычныхъ темныхъ костей. Ясно, что дифференцированіе и распределеніе способностей было насмѣшкой надъ всякой методой. вмѣсто того, чтобы исходить изъ сколько нибудь

разумнаго раздѣленія духовныхъ силъ, послѣдняго ожидали лишь отъ изслѣдованій черепа, отъ которыхъ, понятно, тотчасъ шли къ широчайшимъ обобщеніямъ. Такимъ образомъ Галль и открылъ двадцать семь духовныхъ задатковъ, распределенныхъ имъ по поверхности черепа. Чувство, мѣсто рѣчи, цѣбта, стремленіе къ самозащитѣ, поэтический талантъ, память вещей, память словъ, все это мирно уживалось другъ подлѣ друга. Уродливая психологическая теорія способностей соединилась съ невѣроятно безразсуднымъ способомъ естественно-научнаго наблюденія. При ненасытномъ желаніи челоуѣка проникнуть въ тайники своего собственнаго сердца и своего будущаго, можно легко понять, почему путешествующіе френологи долгое время занимали постъ средневѣковыхъ астрологовъ — гороскопистовъ. Но что можно сказать, если никто иной, какъ философъ Огюстъ Контъ въ френологіи видитъ психологію будущаго, и въ одной исторіи философіи, слѣдующей по его стопамъ, Фридрихъ Галль чувствуется рядомъ съ Кантомъ? Возлѣ критическаго философа самый некритическій изъ всѣхъ современныхъ не-философовъ — вронія, остроумица которой трудно придумать, если желательно показать, какъ мало иногда философія имѣетъ вліянія на прочія науки.

Но знаменитая зигзагообразная линія историческаго движенія обнаруживается и въ исторіи науки, и здѣсь можетъ быть боже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. За поверхностными, оперирующими фальшивыми приемами, наблюденіями Галля и его послѣдователей, въ физиологіи слѣдуетъ періодъ добросовѣстнаго и осторожнаго экспериментальнаго изслѣдованія. Во второмъ и третьемъ десятилѣтіи нашего столѣтія, въ особенности во Франціи, были тщательно выработаны методы виссекциі и примѣнены ко многимъ до того еще не разрѣшеннымъ проблемамъ, прежде

всего къ изслѣдованію центральной нервной системы. Такъ Флурансъ, на основаніи своихъ опытовъ надъ животными, развили тѣ представленія о значеніи мозга, которыя съ того времени на долго должны были оставаться руководящими. Онъ твердо установилъ, что второстепенныя части мозга, продолговатый мозгъ, мозжечекъ, мозговые холмики, стоятъ не въ непосредственной связи съ духовными процессами, но отчасти регулируютъ чисто физиологическіе процессы, какъ дыханіе, движенія сердца, отчасти приводятъ въ надлежащій порядокъ произвольныя тѣлесныя движенія, не подвергающіяся въ общемъ контролю сознания. Напротивъ, обѣ половины большого мозга онъ, по явленіямъ, которыя удаленіе ихъ производило у животныхъ, рассматривалъ какъ органы собственно духовныхъ функций, или, какъ онъ выражался, интеллекта и воли. Специальной же локализациі отдѣльныхъ духовныхъ проявленій онъ, въ рѣзкой противоположности съ френологической системой, не признавалъ. По совершенномъ удаленіи обонхъ мозговыхъ полушарій, хотя и длятся дальше дыханіе, движеніе сердца и непроизвольныя двигательныя рефлексы, но всякое произвольное движеніе и всякій слѣдъ интеллектуальной дѣятельности уничтожень. По удаленіи сколько нибудь значительной части большого мозга, интеллектъ и воля остаются въ ослабленной степени, и ослабленіе ихъ идетъ рука объ руку съ количествомъ потерянной мозговой субстанціи. Изъ этого Флурансъ заключилъ, что большой мозгъ равнообразно во всей массѣ совершаетъ свои отправления, подобно тому, какъ любой кусокъ печени приготовляетъ и отдѣляетъ желчь.

Это въ скорости всѣми принятое ученіе Флуранса господствовало надъ научными воззрѣніями до половины XIX столѣтія. Но уже почти въ дни его основанія

стало готовиться его паденіе. Патологическое наблюденіе стало обращать вниманіе на нѣкоторые случаи апоплексическаго паралича, сопровождавшагося потерей членораздѣльной рѣчи безъ того, чтобы можно было доказать параличъ употребляемыхъ при разговорѣ мышцъ. Больные могли произносить всѣ звуки, но потеряли способность связывать ихъ въ слова, или, иногда, понимать, разслышанныя слова. Анатомическимъ основаніемъ этого заболѣванія всегда оказывалось пораженіе опредѣленно ограниченной части височной области долей большого мозга, большою частью на лѣвой сторонѣ. Эти постепенно умножавшіяся наблюденія сначала мало цѣнились. Относительно простой и ясный взглядъ, добытый экспериментальной физиологіей, посвѣдствовали тотчасъ же оставить на вѣтеръ. Видѣ „чувство рѣчи“, локализациія котораго здѣсь требовалась, входило въ инвентаръ галловой френологіи. Не нужно-ли было опасаться, что скоро опять найдутся и прочія двадцать шесть „внутреннихъ чувствъ“? По это ожиданіе, конечно, не осуществилось, ибо количество наблюденій надъ центральнымъ вмѣстияищемъ способности рѣчи увеличивалось до того, что дальше отказываться отъ нихъ нельзя было. Къ этому присоединилось то, что воззрѣніе Флуранса постепенно потеряло свое основаніе съ совершенно другой стороны. Микроскопъ пролилъ свѣтъ на запутанную структуру центральныхъ органовъ. Рядъ неустанныхъ изслѣдователей началъ, идя отъ спинного мозга, мало по малу, вверхъ къ болѣе высокимъ частямъ мозга, нападать на слѣдъ центрального протяженія и окончанія нервныхъ волоконъ. Если лишь медленно удавалось констатировать спеціальныя результаты, то все таки скоро получили сравнительно ясную картину общаго построенія мозга, картину, мало согласовавшуюся съ представленіемъ объ органѣ, ранномъ Фр-

помь во всёх своих частяхъ. Нельзя было больше сомнѣваться въ томъ, что волокна чувствительныхъ нервовъ входятъ въ различныхъ направленіяхъ далеко въ мозговую массу, что они, далѣе, оканчиваются въ отдѣльных другъ отъ друга группахъ клѣтокъ, изъ которыхъ опять отдѣльные пучки волоконъ лучами стремятся къ различнымъ областямъ мозговой поверхности. Такой-же отдѣльный путь оказался и у волоконъ различныхъ двигательныхъ нервовъ. Нельзя было больше отказываться отъ представленія, что, напр., зрительный нервъ имѣетъ свой конецъ въ совѣзмъ другой области мозга, чѣмъ слуховой нервъ, что затѣмъ осязательные нервы прокладываютъ себѣ отдѣльные пути, что еще къ другимъ областямъ направляются двигательные нервы и т. д. Такъ какъ сѣрая корка мозга представляетъ обширный складъ клѣтокъ, въ который повсюду вступаютъ нервныя волокна, то стало по меньшей мѣрѣ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что изъ нея исходятъ существеннѣйшія центральныя функціи. Но какъ можно было еще думать о равноцѣнности отдѣльныхъ областей мозговой корки, разъ послѣднія находятся очевидно въ связи съ различными частями тѣла? Какъ можно было думать, что область, въ которой зрительный нервъ находитъ свое окончаніе, имѣетъ то-же значеніе, что и какое-нибудь другое мѣсто, въ которомъ, напр., находится представительство мышцъ произвольнаго движенія? Тутъ однако пришли къ сознанію, что попытки локализовать гдѣ нибудь въ мозгу „интеллектъ и волю“ заключаютъ въ себѣ такую-же психологическую невозможность, какъ и система Галля съ ея двадцатью семью духовными способностями. Словомъ „интеллектъ“ мы обозначаемъ совокупность сознательныхъ и въ логическомъ мышленіи находящихъ свое завершеніе духовныхъ процессовъ. Если

мы разложимъ послѣдніе на ихъ элементы, то мы получимъ ощущенія и представленія несложнаго характера. Эти ощущенія и представленія могутъ быть локализованы гдѣ нибудь въ мозгу, подобно тому какъ и звукъ, и свѣтъ должны быть въ некоторомъ родѣ локализованы въ нашихъ внѣшнихъ органахъ чувствъ, если мы ихъ должны ощущать;—но чтобы то общее понятіе интеллекта, въ которомъ лишь наше собственное созерцаніе соединяетъ запутанный вихрь представлений, можно было тѣлесно помѣщено гдѣ нибудь, это совершенно неосуществимая мысль. Если въ центральномъ органѣ соединяются въ концѣ концовъ нервы всёхъ тѣлесныхъ органовъ, то нужно предположить, что мозгъ въ публѣтомъ смыслѣ—зеркальный образъ всего тѣла, что, слѣд., и здѣсь дѣло не обходится безъ соответствующаго различнымъ функціямъ тѣлесныхъ органовъ раздѣленія труда.

Какъ эти точки зрѣнія ни напрашиваются, повидимому, сами собой, но онѣ проникаютъ въ общее сознаніе лишь постепенно, благодаря общему структурному образу, открываемому микроскопическимъ изслѣдованіемъ строенія мозга. Снова прибѣгли къ помощи физиологическаго эксперимента, вспомогательныя средства котораго между тѣмъ значительно улучшились, и, дѣйствительно, удалось доказать опредѣленную локализацию отдѣльныхъ функцій въ мозговой коркѣ. Сначала были открыты ограниченныя мѣста, стояція, повидимому, въ ближайшей связи съ тѣлеснымъ движеніемъ; затѣмъ послѣдовали такія-же наблюденія относительно отдѣльныхъ чувственныхъ ощущеній. Патологическая анатомія быстро овладѣла пріобрѣтенными точками зрѣнія. И здѣсь оказалось, какъ безконечно легко находить вещи, когда уже обращено вниманіе на опредѣленные вопросы. Впродолженіи де-

святковъ лѣтъ разрѣзывали мозги парализованныхъ и нервныхъ больныхъ, и кромѣ наблюденій надъ центральнымъ органомъ рѣчи, при томъ вначалѣ довольно неточныхъ, не было найдено ничего, что могло бы пролить свѣтъ на значеніе мозговой корки. Теперь область эта была завоевана чуть не съ молниеносной быстротой. Едва прошло нѣсколько лѣтъ со времени первыхъ возбудившихъ вниманіе сообщений, какъ въ нашемъ распоряженіи уже оказался приличный рядъ наблюденій, которыми установлено функциональное значеніе, по крайней мѣрѣ, отдѣльных частей мозговой поверхности съ точностью, способной мѣряться съ точностью большей части нашихъ прочихъ физиологическихъ знаний. Ни одинъ знакомый съ предметомъ не будетъ сомнѣваться въ томъ, что въ результатахъ, достигнутыхъ здѣсь въ усердномъ состязаніи анатомическимъ ножомъ, физиологическимъ экспериментомъ и патологическимъ наблюденіемъ, послѣднему принадлежатъ львиная доля. Можно спорить о толкованіи физиологическихъ опытовъ, и на самомъ дѣлѣ тутъ почти нѣтъ ни одного бесспорнаго вопроса; но достоверно, что патологическое наблюденіе, крѣпотно сравнивая субъективныя и объективныя пораженія во время жизни съ найденными послѣ смерти анатомическими измѣненіями, приводитъ къ цѣли медленнѣе, за то вѣрнѣе. Тѣмъ не менѣе нужно признаться, что патологія не пришла-бы, вѣроятно, ни къ одному изъ ея однаково важныхъ практическихъ или теоретическихъ результатовъ, если-бы ей и здѣсь ввѣска не проложила дороги.

II.

Въ столь трудной для изслѣдованія области вдвойнѣ необходимо постоянно держаться стараго правила научной критики: результатъ будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ много-

образнѣе приведшіе къ нему пути наблюденія. Кто забудетъ это правило при пересматриваніи литературы послѣднихъ лѣтъ по физиологіи и паталогіи мозга, тотъ отъ разницы въ мнѣніяхъ и избытія съ виду противорѣчивыхъ наблюденій легко получитъ впечатлѣніе, что тамъ ничего точно неизвѣстно. Но если взять на себя трудъ прежде всего отдѣлать факты отъ предположеній и затѣмъ среди прослѣженныхъ фактовъ опять разыскать такіе, которые съ различныхъ сторонъ привели къ одинаковымъ результатамъ, то придется взглянуть на дѣло иначе.

Уже въ серединѣ XIX вѣка вѣнскій анатомъ Людвигъ Гюркь сдѣлалъ открытіе, что въ извѣстныхъ случаяхъ двигательнаго паралича постепенно исчезаетъ пучекъ нервныхъ волоконъ, идущій, какъ это можно прослѣдить, отъ передней половины спинного мозга къ головному, — слѣдуя, очевидно, общему физиологическому закону, по которому органы безъ упражненія теряютъ свое нормальное строеніе и въ концѣ концовъ умираютъ. Дальнѣйшая разработка этого наблюденія показала, что эти нервныя волокна стремятся къ опредѣленному мѣсту мозговой корки, лежащей въ темной области, въ области, такъ наз., центральныхъ извилинъ. Двадцать лѣтъ спустя различныя физиологи независимо другъ отъ друга дѣлали изслѣдованія надъ дѣйствіемъ электрическаго раздраженія на поверхность мозга у животныхъ. Кромѣ вѣкоторыхъ противорѣчивыхъ наблюденій, всѣ они согласно нашли, что раздраженіе опредѣленныхъ тѣсно ограниченныхъ областей ведетъ за собою мышечныя движенія на сторонѣ, противоположащей раздраженному мѣсту, и что удаленіе этихъ кусковъ корки ведетъ къ нарушенію движеній тѣхъ же мышцъ. Когда у обезьяны, мозгъ которой по расчлененію своей поверхности совершенно по-

хожь на человѣческой, отыскали эти мѣста, то оказалось, что они лежатъ въ той-же области, куда патолого-анатомическое наблюденіе могло провести нервы произвольнаго движенія, именно въ область центральныхъ извилинъ. Скоро послѣ этого открытіе и примѣненіе одного факта изъ исторіи развитія органовъ начало бросать новый свѣтъ на прохожденіе центральныхъ нервныхъ путей. Оказалось, что системы волоконъ, имѣющихъ различное назначеніе, развиваются обыкновенно и въ различные періоды, такъ что части одного и того-же нервного пути можно узнать на основаніи одновременнаго происхожденія ихъ; потомъ было найдено, что тяжъ нервныхъ волоконъ, начинающійся у исходныхъ пунктовъ двигательныхъ нервовъ въ спинномъ мозгу и кончающійся въ мозговой корѣ въ области центральныхъ извилинъ, и тотъ тяжъ, который уже былъ открытъ патолого-анатомическимъ наблюденіемъ, — образуютъ въ своемъ развитіи одну и ту-же систему. Не довольствуясь этими доказательствами и разъ уже обративъ вниманіе на эту важную область мозга, патологія скоро въ состояніи была установить, что пораненія или заболѣванія этой области влекутъ за собою параличи свободнаго движенія; даже удалось уже съ неопровержимостью показать для отдѣльныхъ мышечныхъ группъ тѣла специальное положеніе центральныхъ мѣстъ, разрушеніе которыхъ лишаетъ способности движенія: относительно положенія тѣхъ областей, которымъ подчинены мышцы лица, языка, мускулатура рукъ и ногъ, врядъ-ли существуетъ еще несогласіе въ мнѣніяхъ соответствующихъ послѣдователей.

Ясно, что въ результатѣ, полученномъ такимъ образомъ послѣ обстоятельныхъ изслѣдованій *четырьмя* различными путями, болѣе сомнѣваться невозможно, тѣмъ болѣе, что оны ни въ чемъ не встрѣчаютъ противорѣчій.

Разумѣется и здѣсь мы не должны смѣшивать добитыхъ результатовъ съ какими-нибудь выводными изъ нихъ заключеніями, какъ это часто дѣлаютъ. Установлено только, что вышеуказанныя области мозговой корки участвуютъ въ произвольныхъ движеніяхъ. Изъ этого результата, однако, нисколько не слѣдуетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ сидитъ и *воля*. Такое предположеніе въ высшей степени невѣроятно, даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ вообще можно говорить о локализациіи духовной дѣятельности. Каждый актъ воли — явленіе сложное; первымъ условіемъ для него должны быть различныя проявленія въ области представленія и ощущенія. Его физическій образъ поэтому связанъ съ физиологическими процессами, сопровождающими эти представленія и ощущенія. Мнѣніе, будто въ какихъ-нибудь отдѣльныхъ частяхъ мозга можетъ сидѣть сама воля, такъ-же нелѣпо, какъ локализациія френологическихъ духовныхъ способностей. *Одно* только мы можемъ вывести, именно, что тѣ центральныя области заключаютъ въ себѣ какіе-нибудь промежуточные члены, безъ которыхъ совмѣстная игра важныхъ физиологическихъ явленій, сопровождающихъ дѣятельность воли, невозможна; и на основаніи анатомическихъ данныхъ мы можемъ дѣйствительно еще принять, что эти промежуточные члены вставлены непосредственно между явленіемъ въ мозгу и проводниками къ мышцамъ.

Для локализациіи другихъ функций, именно чувственныхъ воспріятій, еще не достигнуто такого-же единогласія въ наблюденіяхъ. Однако, и здѣсь есть *одинъ* результатъ, за который говорить по крайней мѣрѣ большинство наблюденій. Дѣло касается центрального мѣстоположенія способности *зрѣнія*. Сначала одинъ гениальный экспериментаторъ занялся изслѣдованіемъ дѣйствія удаленія опредѣленныхъ органовъ чувствъ на развитіе мозга.

Она удаляла у новорожденных животных то на одной, то на другой стороне соответствующий орган чувства и после наступавшей впоследствии смерти смотрела, как это отразилось на мозге. В отношении локализации в корке мозга эти опыты сначала были безуспешны; но они обратили внимание патолого-анатомов на те случаи, где у человека долгое время неоставал один орган чувства. Так как здесь действием такого недостатка иногда дается гораздо большее время, чем этого можно было достигнуть в опытах над животными, то можно было от этого не без основания скорее ожидать успеха. И действительно, множество согласных наблюдений привели к результату, что при одновременном отсутствии органов зрения постепенно исчезает вещество затылочной области мозга; недостает только *один* глаз, потеря распространяется, однако, на обе половины центрального органа, что очевидно говорит за то, что каждый (из двух) зрительный нерв идет к обоим мозговым половинкам. Уже до того экспериментальная физиология заявляла этим вопросом с новой стороны. Если чувственные восприятия локализованы в мозгу, они очевидно должны исчезнуть, если удалить соответствующее место в мозгу. Сообразно с этим стали систематически снимать различные области мозговой корки у животных и по выздоровлении последних наблюдали за функциями их чувственных органов. Здесь в решающих пунктах наблюдатели далеко еще не сошлись, и это при трудности опыта легко понятно. Наиполнейший и, повидимому, точнейший ряд соответственных опытов показал, однако, с несомненностью, что центральную локализацию *зрительных восприятий* нужно искать — согласно с вышеупомянутыми патологическими наблюдениями — в корке затылочной доли. Особенный инте-

ресъ заслуживают ближайшія условия этой локализации. У животных, глаза которых лежат сильно сбоку, так что они не имеют, как человек, общаго поля зрѣнія, связь съ обоими глазами оказалась совершенно перекрещенной: правому глазу соответствует лѣвая, лѣвому — правая половина мозга. У животных же, у которых, как у собаки, условия зрѣнія приближаются къ такимъ, какъ у человека, при которыхъ отдѣльныя части внѣшняго пространства отражаются на соответствующихъ другъ другу частяхъ обѣихъ сѣтчатокъ, — у такихъ животныхъ и связь съ мозгомъ лишь частью перекрещена: тѣ мѣста сѣтчатки обонхъ глазъ, на которыхъ отражаются одинаковыя части пространства, связаны лишь съ *одною* стороною мозга. Если мы примѣнимъ это къ человеку, глаза котораго обращены совершенно къ переди, такъ что по существу предметы обрисовываются одновременно въ обонхъ глазахъ, мы очевидно должны будемъ ожидать, что у него въ каждой мозговой половинѣ найдутся окончанія одинаковыхъ волоконъ обонхъ зрительныхъ нервовъ. Въ правой сторонѣ мозга окажутся представители лѣвой, въ лѣвой сторонѣ мозга — правой половины каждой сѣтчатки; и, действительно, это вполне оправдалось въ опытахъ надъ обезьяной, глаза которой расположены подобно глазамъ человека, такъ же, какъ и обнаружилось въ нѣкоторыхъ патологическихъ наблюденияхъ. Въ собственномъ смыслѣ, слѣд., зрительныя ощущенія *локализованы* въ мозгу, потому что, повидимому, каждому пункту, въ который мы можемъ перенести зрительное впечатлѣніе, соответствуетъ опредѣленный пунктъ мозговой поверхности. Можно видѣть, насколько ближе уже физиологическій процессъ въ мозгу стоитъ къ психологическому объясненію нашего зрительнаго ощущенія, чѣмъ процессъ во внѣшнемъ органѣ чув-

ства. Одному видимому пункту въ пространствѣ соотвѣтствуютъ вообще *два* воспринимающихъ пункта сѣтчатки, одинъ въ правомъ, другой въ лѣвомъ глазу; а этимъ двумъ соотвѣтствуетъ опять-таки только одинъ единственный пунктъ на чувственной поверхности центрального органа.

Относительно локализациі другихъ чувственныхъ воспріятій, какъ слуха, осязанія, мы также обязаны экспериментальному пслѣдованію этихъ хѣтъ нѣкоторыми замѣчательными результатами. Но такъ какъ несомнѣное подтвержденіе ихъ другимъ путемъ, именно наиболѣе важнымъ здѣсь патологическимъ и патолого-анатомическимъ наблюденіемъ, еще не представлено, то мы обойдемъ относящаяся сюда данныя. Никто, впрочемъ, не станетъ сомнѣваться, что если произвольное движеніе мышцами лица, рукъ и ногъ связано съ опредѣленными пунктами мозговой корки, то и для другихъ мышцъ тѣла будутъ существовать такіе пункты, или, что если доказано существованіе центральной зрительной поверхности, то окажется и слуховая и осязающая поверхность. Психологія мало интересуется спеціальнымъ вопросомъ о мѣстѣ этихъ субстратовъ. Тѣмъ важнѣе для нея общій результатъ, достаточно ясно вытекающій изъ уже установленныхъ фактовъ. Оба живые проявленія, посредствомъ которыхъ наша душа стоитъ во взаимодействіи съ внѣшнимъ міромъ, чувственное воспріятіе и произвольное движеніе, расчленены въ мозгу на свои отдѣльные элементы точно такъ-же, какъ и въ органахъ тѣла, въ которыхъ это взаимодействіе непосредственно обнаруживается. Не существуетъ отдѣльнаго пункта въ мозгу, который управлялъ-бы всѣми функціями, такъ-же какъ эти послѣднія не связаны равномерно со всюю поверхностью мозга, но зрѣніе,

слухъ, осязаніе и тѣлесныя движенія здѣсь такъ же расчленены по различнымъ субстратамъ, какъ по поверхности тѣла. Даже еще болѣе, каждой мышечной группѣ и, вѣроятно, каждому отдѣльному мускулу, каждому отличающемуся отдѣльными неизвестными признаками чувственному воспріятію соотвѣтствуетъ особая центральная область. Тотъ принципъ *раздѣленія труда*, который осуществился повсюду въ живомъ тѣлѣ, сохранилъ, слѣд., свое значеніе и для центральной мастерской важнѣйшихъ граническихъ отправленій, для мозга. Этотъ принципъ необходимо заключаетъ въ себѣ и слѣдующій фактъ, что всякая сколько-нибудь сложная работа всегда происходитъ отъ совмѣстнаго дѣйствія многочисленныхъ центральныхъ элементовъ. На нашихъ наружныхъ тѣлесныхъ органахъ раздѣленіе труда состоитъ въ томъ, что дѣятельность различныхъ частей соединяется для *одной* цѣли. При произвольномъ передвиженіи различныя мышечныя группы переносятъ тяжесть тѣла, тогда какъ чувство осязанія и зрѣнія формируютъ въ то же время представленіе о проходящемъ пути. Подобно этому, благодаря различнымъ центральнымъ представителямъ отдѣльныхъ частичныхъ функцій, сложная дѣятельность раздѣляется на свои части и въ мозгу.

Только *одно* открытіе новѣйшей физиологіи мозга стоитъ въ кажущемся противорѣчій съ этими выводами: это локализациа рѣчи. Рѣчь—одинъ изъ запутаннѣйшихъ продуктовъ человеческого духа, и ей-то быть сосредоточенной въ одной лишь опредѣленной корковой области, въ височной! Но прежде всего здѣсь нужно имѣть въ виду, что наши знанія о мѣстоположеніи способности рѣчи относительно незначительны. Хотя удалось въ общихъ чертахъ указать границы этой области на по-

верхности мозга, но мы мало знаем о специальной локализации заболѣваній при опредѣленныхъ формахъ нарушенія рѣчи. Однако, уже въ послѣднее время замѣтилъ обстоятельство, очень важное въ этомъ отношеніи. Двѣ характерно различныя формы центрального паралича рѣчи состоятъ въ томъ, что въ одной большой уже не понимаетъ смысла словъ, въ то время какъ онъ еще можетъ повторить слова, которые ему раньше говорить; въ другой, напротивъ, удерживалось пониманіе словъ, но отсутствуетъ способность артикуляціи. Этими различными формамъ, повидимому, соответствуетъ поврежденіе различныхъ частей, такъ какъ пониманіе словъ связано съ собственно височной областью, а образованіе словъ съ далѣе къпереди лежащимъ мѣстомъ, именно, съ боковой частью лобной области мозга. Патологическое наблюденіе знакомитъ насъ съ другими аномаліями, которыя постигаютъ не самую рѣчь, а функціи, стоящія въ тѣсной связи съ нею, именно чтеніе и письмо: лишеніе умѣнія писать слова или читать писанныя слова при непорушенномъ состояніи зрительныхъ воспріятій. Оба дефекта сопровождаютъ обыкновенно собственно аномаліи рѣчи, но они могутъ являться сами по себѣ или даже одинъ безъ другого. А для каждой функціи, которая можетъ выпасть отдѣльно, очевидно нужно принять и отдѣльный субстратъ въ общей центральной области рѣчи, даже если, какъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, еще не удалось найти анатомическаго доказательства таковой.

Въ то время какъ эти факты указываютъ на раздѣленіе функціи рѣчи на разнообразныя части, чуждо принять во вниманіе одно уже упомянутое выше обстоятельство. Было замѣчено, что уничтоженіе произвольнаго движенія, наступающее вслѣдствіе удале-

нія опредѣленной корковой области мозга, намъ нисколько не разрѣшаетъ какъ-нибудь локализовать и волю въ эту область, но самое большое позволяетъ намъ сдѣлать выводъ, что ближайшія звенья для перенесенія возбужденной воли на нервные пути удалены. Подобно этому т. н. центръ рѣчи представляетъ собою область, удаленіе которой уничтожаетъ функцію рѣчи, и именно, смотря по специальнымъ условіямъ, выпадаетъ либо пониманіе, либо артикуляція словъ, либо способность письма и пониманія написаннаго. На этомъ основаніи разсуждать о мѣстопробываніи способности говорить, писать и понимать произнесенныя или написанныя слова, мы по истинѣ имѣемъ такъ-же мало права, какъ утверждать, что извѣстный винтъ въ часовомъ механизмѣ управляетъ ходомъ часовъ, потому что послѣдніе останавливаются, когда этотъ винтъ вынимается. Уже потому очевидно нельзя допустить, чтобы такая сложная дѣятельность, какъ образованіе и пониманіе рѣчи были связаны со строго ограниченной центральной областью, что при всѣхъ этихъ отправленіяхъ, которыя связали съ рѣчью, необходимо еще простое восприниманіе звуковыхъ и свѣтовыхъ впечатлѣній, а также и простое произвольное движеніе мышцами артикуляціи и писанія. А что произвольное движеніе языкомъ и рукою, чувство зрѣнія и слухомъ также слуха имѣютъ отдѣльно своихъ центральныхъ представителей, помимо того центра рѣчи, это мы уже видѣли. Все, слѣдовательно, заставляетъ принять, что послѣдній также содержитъ ясныя члены—посредники или узловыя пункты, удаленіе которыхъ нарушаетъ многочисленныя и разнообразныя элементы въ ихъ общемъ дѣйствіи.

Есть еще одно замѣчательное явленіе, приводящее иногда въ сомнѣніе при вопросѣ о локализациі, замѣ-

ченное сначала при центральных поражениях рѣчи и нашедшее затѣм подтвержденіе въ другихъ случаяхъ. Это явленіе состоитъ въ *постепенномъ возстановленіи отправления*. Оно, правда, наступаетъ обыкновенно только тогда, когда поврежденіе не слишкомъ большое; такая реставрація не была-бы удивительна, если-бы въ то же время исчезали намѣненія въ мозгу. Этого, однако, здѣсь не бываетъ. Скорѣе замѣтили, что функциональное возстановленіе можетъ быть совершенно достигнуто, даже когда поврежденіе мозга еще существуетъ безъ измѣненія. Неудивительно, если нѣкоторые физиологи въ этомъ видѣли противорѣчіе съ локализацией отдѣльных отравленій и готовы были поэтому вернуться къ воззрѣнію Флуранса на одинаковое значеніе всѣхъ частей мозга. Этотъ выходъ, однако, при наличности многихъ фактовъ, найденныхъ согласно различнымъ методамъ и выше уже обозначенныхъ, становится все невозможнѣе. Точно такъ-же не справедливо изъ этого исправленія поврежденій выводить заключеніе противъ вслрой локализациі. Мы имѣемъ только право заключить, что локализациія не *абсолютно неизмѣнна*, но что съ теченіемъ времени другія части мозга могутъ приобретать способность взять на себя отправления выпавшихъ. Дѣйствительно, *этотъ законъ замѣстительства*—важное и неотъемлемое дополненіе къ ученію о раздѣленіи функций. Что это за физиологическіе процессы, посредствомъ которыхъ потеря отдѣльных областей мозга въ такой широкой степени покрывается компенсирующею дѣятельностью другихъ,—этого, правда, мы рѣшительно не знаемъ. Но фактъ этотъ стоитъ далеко не какъ изолированное явленіе, относящееся только къ мозгу. Кто потерялъ правую руку, тотъ можетъ безъ большихъ затрудненій приучить лѣвую руку ко многимъ

механическимъ приемамъ, къ которымъ она раньше была неспособна. Я помню одного безрукаго человѣка, который правой ногой писалъ, рисовалъ и не безъ ловкости владѣлъ кистью. У косящихъ можно наблюдать, что первоначально существующее двойное зрѣніе иногда выравнивается благодаря тому, что образуется новое распрежденіе пупиковъ сѣтчатки на обоихъ глазахъ. Такого рода случанъ приспособленія и приученія въ организмѣ встрѣчаются вездѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что ихъ въ такой выразительной степени представляетъ мозгъ, такъ благоприятно устроенный для замѣстительствъ, благодаря многостороннимъ соединеніямъ нервныхъ волоконъ. Въ то же время тутъ снова лежитъ косвенное доказательство взгляда, что не сложныя способности, какъ „способность говорить“ локализованы какъ таковыя, а подобная способность всегда составляется изъ запутаннаго взаимодействія простыхъ процессовъ, которые уже дѣйствительно связаны съ опредѣленными центральными элементами. Ибо мы себѣ можемъ представить, что нервное волокно, при поврежденіи нормальнаго пути, какъ-нибудь въ видѣ помощи проводитъ другіе импульсы движенія или чувственныя впечатлѣнія, а не свои обычные; но едва-ли мы себѣ можемъ представить, чтобы элементъ, который до сихъ поръ управлялъ исключительно артикуляціей словъ, при случаѣ перенялъ-бы также дѣятельность органа запоминанія словъ.

Но здѣсь мы уже затрагиваемъ область общихъ вопросовъ, поднимающихся по поводу рассмотрѣнныхъ фактовъ. Два такихъ вопроса требуютъ нашего вниманія: къ какому азгляду ведутъ эти добытыя наукой знанія о физиологическомъ значеніи мозга? И какой видъ придаетъ этотъ взглядъ старой проблемѣ о взаимодействіи тѣла и души?

III.

Физиологи, занимавшиеся в течение последних лет исследованием мозговых функций, пришли довольно единодушно къ слѣдующему воззрѣнію на отношеніе простѣйшихъ душевныхъ отправленій къ ихъ матеріальнымъ субстратамъ.

Исходить изъ предположенія, что элементы мозговой корки—посителн этихъ отправленій. Въ нѣсколькихъ рядахъ другъ надъ другомъ размѣщены въ ней клѣтки, которыя, будучи отчасти довольно велики и большою частью одинаковаго характера, принимаютъ въ себя нервныя волокна изъ окружающаго мозгового вещества. Посредствомъ послѣднихъ онѣ кажутся связанными отчасти съ центральными аппаратами второй степени и при помощи таковыхъ, наконецъ, съ наружными органами тѣла, отчасти-же только между собою, такъ какъ между различными областями мозговой поверхности (что важно), и также между обѣими половинами мозга пробѣгаетъ множество тяжелъ нервныхъ волоконъ. И вотъ предполагаютъ, что корковая клѣтка въ качествѣ органическаго субстрата духовной дѣятельности служить прежде всего посителемъ *представленій*. Отсюда не исключены и клѣтки, изъ которыхъ исходятъ волевые акты, такъ какъ съ каждымъ актомъ воли связано представленіе о желанномъ движеніи. Локалізація мозговыхъ функций на этомъ основаніи значитъ то-же, что локалізація нашихъ представленій. Наши представленія, связанныя со свѣтомъ, звукомъ, осязаніемъ и движеніемъ, такъ-же какъ и ощущенія вкуса и запаха, сидятъ въ различныхъ областяхъ мозговой корки. Разнообразныя же соединенія всѣхъ этихъ представленій въ нашемъ сознаніи становятся возможными съ помощью тѣхъ центральныхъ нервныхъ

волоконъ, которыя связываютъ различные мѣста мозговой корки другъ съ другомъ.

Это общее воззрѣніе стараются затѣмъ ближе провести въ частности; замѣтили, что опредѣленная часть центральной зрительной поверхности управляетъ преимущественно яснымъ воспріятіемъ объектовъ зрѣнія. Это приписывается тому, что указанная часть соответствуетъ мѣстамъ яснаго зрѣнія въ обоняхъ глазахъ; но кромѣ этого возможно и другое объясненіе, которое въ дѣйствительности и было предложено. Говорятъ, что ясное зрѣніе предполагаетъ уразумѣніе зрительныхъ ощущеній, чего при неясномъ зрѣніи не бываетъ. А каждое уразумѣніе ощущеній связано съ воспоминаніемъ. Чтобы узнать предметъ, мы должны въ нашемъ сознаніи имѣть уже готовый похожій образъ изъ прежнихъ наблюденій. Сообразно съ этимъ предполагаютъ, что въ той области затылочной доли, разрушеніе которой уничтожаетъ способность зрѣнія, лежатъ запомненные образы, тогда какъ другія части содержатъ мѣста, вакантныя для новыхъ впечатлѣній. Но такъ какъ каждое впечатлѣніе можетъ остаться въ насъ, какъ образъ для воспоминанія, то послѣ потери запоминающихъ клѣтокъ должны снова фиксироваться образы воспоминанія. Такимъ образомъ объясняется постепенное исправленіе функциональных извѣнчій.

Съ этимъ вполнѣ гармонируютъ гипотезы, касающіяся центральныхъ пораженій рѣчи. Въ однихъ клѣткахъ должны находиться звуковые образы словъ, въ другихъ— письменные образы послѣднихъ; въ третьей группѣ находятся представленія артикуляціонныхъ движеній, въ четвертой—представленія движеній, употребляемыя при писаніи словъ. Большою частью принимаютъ еще пятую область, клѣтки которой находятся въ связи со всѣми

предыдущими и въ которой помѣстились понятія. Смотря потому, разрушена-ли та или другая изъ этихъ группъ клѣтокъ, отдѣльныхъ функций, какъ, напр., память словъ или способность письма, могутъ вынасть, тогда какъ прочіе члены совокупной функции рѣчи могутъ оставаться ненарушенными. И здѣсь, конечно, находятъ себѣ примѣненіе предположеніе, что представленія, потерявшія своихъ прежнихъ хозяевъ, прилипаютъ къ вакантнымъ клѣткамъ.

Можетъ-быть, въ комъ-нибудь изъ читателей возникнетъ ужасное опасеніе, какъ-бы вдругъ не случилось, что представленіе, жаждущее входа въ нашъ мозгъ, найдетъ всѣ мѣста уже занятыми. Но насъ успокаиваютъ, что такое опасеніе неосновательно. По умѣренной оцѣнкѣ вся корка человѣческаго мозга должна заключать 612.112.000 нервныхъ клѣтокъ. Между тѣмъ по извѣстнымъ даннымъ Макса Мюллера, такой богатый умъ, какъ Шекспира, имѣетъ въ своемъ распоряженіи всего около 15.000 словъ, а обыкновенный человѣкъ довольствуется 3—4000 словъ. Даже тогда, слѣд., когда мы будемъ считать небольшое въ общемъ количество безсловесныхъ представленій и не забудемъ, что каждое представленіе должно быть фиксировано въ 4—6 различныхъ формахъ, какъ образъ зрѣнія, звукъ, слово и т. д., мы все-таки должны будемъ удивляться необыкновенной роскоши, которую дозволяетъ себѣ нашъ мозгъ по отношенію къ вакантнымъ мѣстамъ, потому что очевидно нѣтъ никакой надежды, чтобы они когда либо были заняты. Это устройство походитъ на государство, въ которомъ количество синекуръ больше числа дѣйствительныхъ должностей. Но, такъ какъ каждая незанятая клѣтка иногда должна имѣть удовольствіе быть обремененной представленіемъ, отъ котораго не освобо-

дится быть можетъ всю жизнь, то можно простить эту роскошь, хотя-бы какъ нѣсколько далеко ушедшую осторожность. Поразительнѣе намъ кажутся другіе выводы, вытекающіе изъ примѣненія этой гипотезы къ явленіямъ.

Выше были указаны лишь общія направленія, по которымъ можно различить центральныя пораженія рѣчи. Ближайшее изслѣдованіе тѣхъ случаевъ, въ которыхъ способность рѣчи потеряна только отчасти, представляетъ, однако, еще рядъ замѣчательныхъ фактовъ. Въ такой частичной потерѣ рѣчи всегда участвуютъ извѣстныя *классы словъ*, то преимущественно, то даже исключительно. Крѣпче всего, повидному, держатся въ памяти чистыя выраженія чувства. Больные, которые уже не способны даже лишь отчасти выразить мысль въ словахъ, иногда владѣютъ еще богатымъ запасомъ междометій и такихъ сочетаній словъ, которыя равнозначущи междометіямъ. Досада выжимаетъ у нихъ можетъ быть сильное „чертъ побори“, въ то время какъ кромѣ этого привычнаго сочетанія они не могутъ сказать ни „чертъ“, ни „побери“. Въ другихъ случаяхъ осталось только „да“ и „нѣтъ“, а весь остальной запасъ словъ пропалъ. Еще замѣчательнѣе случаи, гдѣ смыты какъ разъ извѣстныя грамматическія части рѣчи, которыя какъ нибудь замѣщаются гримасами, а въ остальномъ рѣчь идетъ безъ запинки и синтаксическихъ ошибокъ. Всѣ наблюденія согласны въ томъ, что легче всего такимъ образомъ изчезаютъ изъ памяти имена существительныя. И между ними опять легче забываются преимущественно собственные имена и вообще слова, обозначающія конкретные объекты. Въдѣ забываніе собственныхъ именъ—извѣстный часто встрѣчающійся недугъ и у здороваго человѣка, въ особенности въ старости. А такъ какъ собственные имена наиболѣе конкретны между именами существ-

тельными, то психологически въ общемъ понятенъ фактъ, что такія слова, какъ стулъ, столъ, домъ и т. п. легче забываются, чѣмъ такія, какъ добродѣтель, справедливость, жизнь и подобныя. И болѣе крѣпкое удерживаніе глаголовъ и частицъ очевидно подходитъ подъ эту точку зрѣнія. Ибо глаголь, какъ обозначающій большую частью дѣятельность, исходящую отъ различныхъ субъектовъ и происходящую при различныхъ условіяхъ, имѣетъ болѣе общій характеръ, чѣмъ существительное. Въ этомъ смыслѣ рѣзать отвлеченнѣе, чѣмъ ножъ; свѣтить, чѣмъ свѣтъ, ходить, чѣмъ дорога и т. д. И это уже, конечно, крайній случай, имѣющій, однако, свой простой первообразъ въ обычномъ забываніи собственныхъ именъ, когда мы читаемъ о пациентѣ, который вообще еще довольно силенъ въ рѣчи, но вынужденъ всѣ существительныя описывать посредствомъ глагола: ножницы какъ то, чѣмъ рѣжутъ; окно, какъ то, черезъ что смотреть и т. д. Эти явленія, напоминающія намъ почти тѣ принимаемыя языкознаніемъ отдѣльныя времена, когда рѣчь состояла еще изъ глагольныхъ корней, находятъ себѣ психологическое объясненіе въ томъ, что образъ конкретного предмета гораздо яснѣе и опредѣленнѣе стоитъ въ нашемъ сознаніи, чѣмъ картина отвлеченнаго дѣйствія. Вслѣдствіе этого при послѣднемъ слово стало почти совершенно замѣщать представленіе, въ то время какъ передъ мелькающимъ въ ясныхъ очертаніяхъ въ нашемъ внутреннемъ глазу образъ отдѣльнаго предмета слово, его обозначающее, легко отступаетъ на задній планъ въ нашемъ сознаніи. Мы можемъ забыть имя хорошаго знакомаго, потому что думаемъ о немъ самомъ, а не объ его имени. А такое слово какъ „ходить“, которое мы употребляемъ при различныхъ условіяхъ по отношенію ко всевозможнымъ живымъ существамъ и даже къ совершенно без-

личнымъ вещамъ, не легко исчезнетъ изъ нашей памяти, потому что нѣтъ представленія, которое-бы могло заступитъ его мѣсто во всѣхъ случаяхъ его употребленія.

Психологическое толкованіе въ общемъ, слѣдовательно, приводитъ всѣ эти явленія въ понятную связь. Но посмотримъ, однако, какое представленіе мы должны себѣ сдѣлать о структурѣ мозга, если будемъ слѣдовать воззрѣнію физиологовъ, локализирующихъ представленія? Ясно, что недостаточно указать различныя области устнымъ и письменнымъ выраженіямъ словъ, представленіямъ движенія и понятіямъ, но въ каждой изъ этихъ главнѣйшихъ областей мы опять должны будемъ припятъ отдѣльную провинцію для междометія, другую для существительныхъ, третью для глаголовъ и четвертую для частицъ. При такомъ предположеніи каждый долженъ былъ-бы носить въ своей головѣ не только лексиконъ, но и соответственную грамматику, при чемъ какъ разъ происходитъ замѣчательное явленіе, что извѣстные листы этого живого грамматическаго словаря не только могутъ пропасть сами по себѣ, но и всегда, когда теряются другія, они должны исчезнуть съ послѣдними.

Понятно, что гипотеза, приводящая къ такимъ абсурднымъ послѣдствіямъ, не выдерживаетъ критики. Ошибка ея довольно ясна; это старое заблужденіе френологической локализациі въ повомъ видѣ: съ дѣятельностью нашего духа, обращаются какъ съ чувственнымъ объектомъ, имѣющимъ гдѣ-то въ пространствѣ свое мѣсто и съ какою-то личною самостоятельностью борящимся за свое существованіе. Френологія обращалась съ искусственными образами понятій, по которымъ мы распредѣляемъ внутреннія воспріятія, какъ съ реальными объектами; новѣйшая физиологія мозга обращаетъ въ объекты естественныя выраженія дѣятельности нашего

сознания, представления. Одно невозможно, как другое. Мы имеем полное основание сказать, что процессом в память мозгу сопровождаются наши ощущения и представления. Но что каждое представление крѣпко сидитъ въ какой-нибудь нервной клеткѣ, это какъ разъ также невѣроятно, какъ если-бы мы допустили, что нашъ глазъ прячетъ въ себѣ про запасъ для будущаго употребленія всѣ образы, которые въ немъ отрисовываются. Думается почти, что въ этой запутанности, прежде бывшей на психологической почвѣ, нѣкоторую вину несутъ существительная форма „представленіе“. Такъ какъ каждое представленіе сначала, какъ это сдѣлалъ Гербартъ, разсматривали какъ силу, которая, разъ появившись, никогда больше не можетъ исчезнуть изъ души, то когда это воззрѣніе было перенесено въ физиологию, ближайшимъ шагомъ было указать этой постоянной силѣ также и постоянного носителя. На самомъ же дѣлѣ каждое представленіе такъ-же, какъ и актъ воли или произнесенное слово—преходящая дѣятельность. Каждая такая дѣятельность можетъ оставить послѣ себя отзвукъ, а важные отзвуки представленія и состоятъ въ томъ, что остается расположеніе къ возобновленію его. Но заключить изъ этого, что представленія сами остаются постоянными, мы, очевидно, имѣемъ такъ-же мало основанія, какъ, напримѣръ, предположить, что опредѣленный волевой актъ потому самому непреходящъ, что онъ произвелъ продолжительное дѣйствіе.

Если поэтому, наши представленія не столько духовные объекты, сколько духовная дѣятельность, то и мозговые процессы необходимо должны быть иначе поняты нами. Прежде всего здѣсь нужно отказаться отъ философскаго воззрѣнія, лежащаго обыкновенно въ основаніи физиологическаго разбора предмета, именно отъ воззрѣнія,

что тутъ дѣло идетъ объ обыкновенной причинной связи, въ которой процессъ въ мозгу нужно разсматривать какъ причину, а представленія—какъ ея дѣйствіе. Это воззрѣніе нельзя провести уже съ естественно-научной точки зрѣнія. По принципу причинности, котораго твердо держатся физическое изслѣдованіе, мы можемъ лишь тогда говорить о причинной связи двухъ явленій, когда дѣйствіе можетъ вытекать изъ причины по опредѣленнымъ законамъ. А такое вытеканіе въ собственномъ смыслѣ возможно лишь при *однородныхъ* явленіяхъ. Оно, слѣд., или дѣйствительно примѣнимо или по крайней мѣрѣ мыслимо во всей области внѣшнихъ естественныхъ явленій, потому что расчлененіе этихъ явленій постоянно приводитъ къ процессамъ движенія, въ которыхъ дѣйствіе такъ эквивалентно своей причинѣ, что при подходящихъ условіяхъ можно перевернуть причинное отношеніе, т.-е. изъ дѣйствія сдѣлать причину и изъ причины дѣйствіе. Такъ, паденіе тяжести съ опредѣленной высоты производитъ двигательное дѣйствіе, посредствомъ котораго такая-же тяжесть можетъ быть поднята на ту-же высоту. Ино, что говорить о подобной эквивалентности между нашими представленіями и сопровождающими ихъ физиологическими процессами невозможно. Въ качествѣ слѣдствій послѣднихъ могутъ выступать лишь явленія тоже физическаго характера. Только такимъ образомъ возможна та совершенно замкнутая въ себѣ причинная связь естественныхъ явленій, которая свое незаконченнѣйшее выраженіе находитъ въ законѣ сохраненія силъ. Въ этомъ законѣ должна была-бы всегда появляться брешь тамъ, гдѣ тѣлесная причина производила бы духовное дѣйствіе. И естественникъ, который для своихъ изслѣдованій справедливо держится взгляда, что представляемый нами себѣ міръ содержитъ независимую отъ нашихъ предста-

влений реальность, может поэтому всегда говорить лишь о *параллелизм* между духовными явлениями и сопровождающими их физиологическими функциями. Такой параллелизм заключает в себя предположение, что явления духовной жизни находятся между собою в такой-же прочной причинной связи, как и явления тѣлесной природы;—но именно потому, что здѣсь дѣло идетъ о двухъ замкнутыхъ въ себѣ причинныхъ соединеніяхъ, переходъ ни изъ одной изъ нихъ въ другую невозможенъ. Задачи психологій касаются прежде всего законосообразности внутреннихъ явленій. Но такъ какъ соединеніе представленій въ нашемъ сознаниіи всегда указываетъ на условія, лежащія внѣ сознаниіи и не могущія поэтому даваться намъ въ формѣ духовныхъ процессовъ, то психологія нерѣдко вынуждена возвращаться къ физиологическому изслѣдованію, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда причинная связь внутреннихъ явленій кажется прерванной, установить по крайней мѣрѣ параллельно съ ней идущую связь физическихъ процессовъ. Съ этой цѣлью психологія чувственныхъ воспріятій прибѣгаетъ къ помощи физиологій органовъ чувствъ, и въ подобномъ же смыслѣ ученіе о движеніи представленій въ сознаниіи не обойдется безъ того, чтобы не обращать вниманія на физиологію мозга.

Но именно здѣсь, гдѣ дѣло идетъ уже не только о началахъ духовной жизни, совершенно ускользающихъ отъ контроля сознаниія, можно вѣдь требовать отъ физиологій мозга, чтобы она не выводила своихъ умозаключеній, совершенно пренебрегая психологическимъ опытомъ. Такое требованіе будетъ тѣмъ справедливѣе, что собственная механика мозговыхъ процессовъ для насъ еще совершенно темна, такъ что тутъ приходится отчасти поневолю прибѣгать къ выводамъ психологическаго опыта.

Когда мы становимся на такую точку зрѣнія, мозговые процессы вступаютъ очевидно въ ближайшую аналогію съ тѣми явлениями, которыя въ нашихъ внѣшнихъ чувственныхъ и двигательныхъ органахъ сопровождаютъ образованіе нашихъ представленій и произвольныхъ дѣйствій. То раздѣленіе труда, въ которомъ здѣсь различныя органы дополняютъ другъ друга для различныхъ цѣлей, тамъ повторится въ болѣе узкомъ пространствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ формѣ, дѣлающей возможнымъ болѣе тѣсное взаимоотношеніе. Процессы въ центральномъ органѣ зрѣнія поэтому будутъ мѣняться точно такъ-же, какъ картины на сѣтчаткѣ глаза. Только въ духѣ пунктахъ мы должны допустить важную разницу между наружными и соответствующими имъ центральными органами. Во-первыхъ, замѣстительство, благодаря которому выпавшія части могутъ быть замѣнены другими непораженными, приобретаетъ въ центральномъ органѣ гораздо большее значеніе. Парализованная правая рука можетъ лишь въ слабой степени быть замѣнена здоровой лѣвой, потому что всѣ дѣйствія, для которыхъ нужны обѣ руки, становятся невозможными. Только центральное замѣстительство можетъ при подобныхъ условіяхъ совершенно устранить наружныя пораженія. Во-вторыхъ, относящійся ко всѣмъ органамъ законъ упражненія, по которому функція тѣмъ легче производится, чѣмъ чаще она повторялась, получаетъ по отношенію къ мозгу усиленное значеніе, такъ какъ этимъ допускается возможность самостоятельнаго возобновленія мозговыхъ процессовъ, которые раньше зависѣли отъ внѣшнихъ чувственныхъ впечатлѣній. Хотя одни наружныя органы чувствъ доставляютъ нашему сознанию матеріалъ, изъ котораго оно строитъ свои представленія, однако, лишь мозгъ даетъ этому чувственному матеріалу ту способность продолжительнаго дѣйствія и ту свободу по-

*Можно
небавою*

движность, без которой духовная обработка послѣдняго была-бы немьслима.

Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ указана граница, до которой освѣщеніе фізіологическихъ процессовъ способно облегчить намъ пониманіе духовныхъ отправленій. Мы имѣемъ всѣ основанія принять, что, какъ уже при прохожденіи нашихъ представленій ихъ чувственное содержаніе связано съ чувственными воспріятіемъ, такъ вообще всѣ чувственные части нашей духовной дѣятельности связаны съ чувственными и, слѣд., физическими процессами. Всякій глубоко проникающій опытъ подтверждаетъ это положеніе и *никакой* опытъ ему не противорѣчитъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ничего, что говорило бы за предположеніе, будто то, что въ нашемъ внутреннемъ опытѣ даетъ форму этому чувственному содержанію, что по логическимъ или этическимъ нормамъ объединяетъ его, связано съ какими нибудь особенными физическими процессами. Въ нашихъ сужденіяхъ и заключеніяхъ, въ нашихъ эстетическихъ и нравственныхъ чувствахъ покоится на чувственномъ основаніи все, что принадлежитъ къ области чувственного представленія. Эта чувственная доля нашей духовной жизни, конечно, очень важна, потому что ее нельзя отнять ни отъ какого духовнаго созданія: даже отвлеченнѣйшее понятіе можетъ быть удержано въ нашемъ сознаніи лишь въ формѣ чувственнаго представленія, которое въ нашемъ мышленіи замѣщаетъ собою понятіе; и самыя высокія, и самыя низкія наши чувства и стремленія нуждаются въ чувственномъ матеріалѣ, вокругъ котораго они развиваются и въ которомъ они обнаруживаются. Но связывать духовную обработку этого чувственнаго матеріала съ фізіологическими процессами мы не только не имѣемъ никакого основанія, но мы даже лишены

возможности наглядно показать, какимъ образомъ какое нибудь сочетаніе мозговыхъ процессовъ должно содержать принудительное основаніе, чтобы сопровождающія представленія соединялись въ формѣ сужденія или возбуджали наше чувство эстетическаго удовольствія. Я, конечно, не могу воспроизвести мысли „черное не бѣло“, безъ того, чтобы представленія о бѣломъ или черномъ, хотя бы въ видѣ лишь мимолетныхъ образовъ воспоминанія, коснулись моего сознанія, и у этихъ образовъ не будетъ отсутствовать сопровождающій фізіологическій процессъ; по сравнивающая мыслительная дѣятельность, соединяющая представленія въ отрицательное сужденіе, въ тѣхъ образахъ еще не заключается, хотя она и невозможна была бы безъ нихъ.

Такимъ образомъ, важнѣйшая услуга, которую могутъ оказывать нашей духовной дѣятельности, состоитъ не въ какомъ-то „производствѣ мысли“, какъ гласитъ вуьгарное выраженіе. Но онѣ имѣютъ наготовѣ необходимые для этого чувственные вспомогательныя средства, потому что сохранять доставленный органами чувствъ переходящій матеріалъ мышленія для будущаго употребленія и даетъ органамъ тѣлеснаго движенія то направленіе, котораго требуетъ воля. При этомъ не отлагаются въ мозгу ни самыя представленія, ни остающіяся ими отраженія или слѣды, но тамъ только въ необыкновенной степени обнаруживается тотъ общій законъ функціональнаго упражненія, по которому фізіологическія явленія тѣмъ легче возобновляются, чѣмъ чаще они по вѣншимъ или внутреннимъ поводамъ уже совершались.

Къ этому сводятся все, что въ общемъ можетъ сказать фізіологъ объ участіи мозга въ духовной дѣятельности. Если указанный взглядъ отрицаетъ духовную дѣятельность, вполне независимую отъ чувственности, то

онъ стоитъ только въ согласіи съ физиологическимъ опытомъ, который точно такъ же не знаетъ мышления безъ чувственного содержанія. На этомъ основаніи ошибочны и тѣ психологическія гипотезы, которыя хотѣли бы локализовать понятія или дѣятельность разума отдѣльно отъ чувственныхъ представленій. Психолога-же наблюдателя, который сознаетъ чувственный характеръ матеріала нашей мыслительной дѣятельности, едва ли можетъ еще удивить зависимость этого матеріала отъ физическихъ явленій. Онъ вѣдь давно знаетъ, что нѣтъ представленій, не зависящихъ отъ впечатлѣній, получаемыхъ нашими чувствами. Не понятны-ли тогда само собою, что всякое возобновленіе представленія въ нашемъ сознаніи сопровождается возобновленіемъ чувственного процесса, первоначально произведшаго внѣшнее впечатлѣніе въ нашемъ мозгу?

Однако, наша душа не состоитъ только изъ этого чувственного содержанія нашихъ представленій: наоборотъ, именно соединенія и образованія представленій, производимыхъ нашею мыслью, разсматриваются нами преимущественно какъ душевныя дѣйствія.

Этимъ физиологическими разсужденіями еще, слѣдовательно, не рѣшается задача, преимущественно привлекавшая философовъ. Даже если-бы наши знанія о локализациі мозговыхъ отправленій были еще точнѣе, чѣмъ теперь, мы все-таки стояли-бы въ сомнѣніи передъ старымъ вопросомъ: *гдѣ сидитъ душа?*

Попробуемъ, поэтому, наконецъ—не отвѣтить на этотъ вопросъ, а исследовать, съ какими правомъ онъ можетъ быть поставленъ, и поскольку онъ, слѣдовательно, можетъ ждать отвѣта.

IV.

Что локализациа мозговыхъ функций рѣшаетъ вопросъ о мѣстѣ души въ смыслѣ, противорѣчащемъ общепринятымъ взглядамъ, является ближе всего лежащимъ заключеніемъ. Гдѣ еще можно искать наиболее благоприятный пунктъ для взаимодействій души и тѣла, если эти взаимодействія происходятъ почти повсюду въ мозгу? Развѣ мы при этихъ условіяхъ не вынуждены разсматривать весь мозгъ или по крайней мѣрѣ всю корковую поверхность его какъ мѣсто душевныхъ процессовъ?

Однако, такое заключеніе было-бы слишкомъ поспѣшнымъ. Конечно, физиологическія фантазіи Декарта, по которымъ гдѣ-то въ мозгу должны сбѣгаться все первы, чтобы тамъ воздѣйствовать на душу или оттуда подучать воздѣйствія, помимо соединенныхъ съ ними физиологическихъ ошибокъ, безвозвратно устранены заключеніями мозговой физиологіи. Но уже Лейбницъ далъ картезіанскому воззрѣнію форму, въ которой оно стало совершенно независимымъ отъ нашихъ измѣнчивыхъ физиологическихъ знаній. Недоступная физическимъ впечатлѣніямъ внѣшняго міра, душа въ своихъ внутреннихъ проявленіяхъ стоитъ, въ силу первоначальной гармоніи вселенной, во взаимоотношеніи со всѣми другими существами, прежде всего съ тѣми, которые составляютъ принадлежащее ей тѣло. Эта гипотеза съ теченіемъ времени пережила различныя измѣненія. Прежде всего Христіанъ Вольфъ удалил изъ нея смѣлую мысль о соединеніи отдѣльной души съ безконечной вселенной; первоначальное приспособленіе представленій и стремленій сознанія къ состоянію собственнаго тѣла казалось ему достаточнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Позже Гербартъ стараяся замѣнить вѣсколку мистическую мысль объ предустановленной гармоніи формою взаимоотношенія,

при которой были удалены слишком механическія представленія Декарта. Онъ представлялъ себѣ душевную монаду подвижной, такъ что она ежеминутно могла пристать къ тому мѣсту центральнаго органа, гдѣ она получить необходимыя измѣненія для образованія ея представленій. Можно было-бы избѣгнуть и этихъ съ своей стороны едва-ли достаточно мотивированныхъ путешествій, какъ недавно замѣтилъ Лотце, если-бы просто приписать душѣ способность внутренно испытывать, въ обусловленныхъ ея собственной природой формахъ представленія и ощущенія, то, что происходитъ внѣ ея.

Какую изъ этихъ гипотезъ мы ни предпочтемъ, ни одной изъ нихъ нельзя противопоставить какихъ-бы то ни было сомнѣній со стороны нашихъ физиологическихъ знаній;— или, если-бы таковыя когда-нибудь появились, ихъ навѣрное можно было-бы легко устроить удобной вспомогательной гипотезой. Точно такъ же ясно, что совершенно одинаково можно допустить всякія спеціальныя предположенія, какія еще можно сдѣлать относительно резиденціи души. Даже тотъ, кто хотѣлъ-бы указать ей жилище внѣ принадлежащаго ей тѣла, могъ-бы легко провести такую гипотезу на основаніи предположенія заранѣе установленной гармоніи или непосредственныхъ взаимовоспріятій внутреннихъ состояній.— Право, нашъ физиологическій и психологическій опытъ не противопоставитъ ни малѣйшихъ препятствій даже предположенію, что души человѣческія собраны на Сиріусѣ.

Метафизика, какъ видите, находится въ завидномъ положеніи въ сравненіи съ другими науками. Такъ какъ ея послѣдкія стоятъ выше всякаго опытнаго знанія, то онѣ совершенно независимы отъ какихъ-бы то ни-было успѣховъ опытной науки. Въ то время, какъ эмпири-

ческій изслѣдователь, старающійся привести свои наблюденія въ сколько-нибудь допустимую связь, съ нѣкоторымъ самоогреченіемъ долженъ узнавать, что научныя воззрѣнія постоянно подвергаются поправкамъ, дополненіямъ и вслѣдствіе этого замѣнаются другими, метафизикъ работаетъ для вѣчности. Развѣ въ такихъ пунктахъ, гдѣ онъ случайно спускается въ область опыта, эмпирикъ можетъ какъ-нибудь нарушить его планы. Но что за бѣда? Глубочайшія идеи системы остаются все-таки недоступными для всѣхъ нападокъ со стороны опыта.

Этотъ олимпізмъ метафизическихъ гипотезъ имѣетъ, разумѣется, и свои темныя стороны. Чѣмъ недоступнѣе гипотезы для нападеній опыта, тѣмъ менѣе вліянія онѣ имѣютъ на послѣдній. Такъ, ученіе о пребываніи души въ одномъ пунктѣ мозга не подвинуло нашего внутренняго опыта ни на одинъ шагъ и сдѣлало для психологическаго объясненія не больше, чѣмъ это сдѣлала-бы выше предложенная гипотеза о внѣземельномъ пребываніи души. А вѣдь какъ разъ въ этомъ случаѣ цѣль была не такая, ибо отношенія между духовными и тѣлесными силами даны намъ только въ опытѣ; кто, слѣд., дѣлаетъ какія-нибудь предположенія объ отношеніи души къ тѣлу, тотъ долженъ съ этимъ по крайней мѣрѣ связать цѣль, воочію показать эти взаимоотношенія. Эти разсужденія заставляютъ думать, что ошибка скрывалась уже въ самой постановкѣ вопроса, поведшей къ тѣмъ метафизическимъ гипотезамъ. Дѣйствительно, мы видимъ ошибку въ томъ, что непростительнымъ образомъ смѣшали другъ съ другомъ *два* точки зрѣнія, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое право гражданства, но въ то-же время разную цѣну для нашего философскаго міровоззрѣнія.

Все, что намъ дается опытомъ, мы можемъ раз-

смагивать съ точки зрѣнія или внѣшняго опыта или внутренняго. Первую принимаютъ естественныя науки, вторую философское ученіе о познаниі. Послѣдняя, исходя изъ неопровержимаго положенія, что внѣшнія воспріятія входятъ въ наше сознаніе и, слѣд., становятся достояніемъ внутренняго опыта, старается показать, насколько наше пониманіе природы опредѣляется нашей собственной духовной природой. Естествознаніе, напротивъ, рассматриваетъ внѣшнія воспріятія, какъ данныя ему объективно, и при изслѣдованіи ихъ абстрагируетъ совершенно отъ тѣхъ духовныхъ процессовъ, изъ которыхъ произошло наше воззрѣніе на природу. Метафизикъ-же, указывая душѣ мѣсто въ тѣлѣ, смѣшиваетъ эти двѣ точки зрѣнія другъ съ другомъ. Исходя изъ внутренняго опыта, представляющаго сплошную связь нашихъ духовныхъ дѣйствій, онъ справедливо рассматриваетъ душу какъ цѣльное существо. Но не правъ онъ затѣмъ, перенося это понятіе тотчасъ-же во внѣшній опытъ, дѣлая душу простымъ недѣлимымъ *объектомъ*, атомомъ, который онъ въ отличіе отъ физическаго атома обыкновенно называетъ *монадой*. Уже Лейбницъ, правда, предохранялъ свои монады отъ того, чтобы ихъ не рассматривали пространственно, даже не какъ точки въ пространствѣ, и его послѣдователи въ этомъ съ нимъ согласились. Монада остается тѣмъ не менѣе одухотвореннымъ атомомъ. Ибо откуда она имѣла бы иначе свойство *абсолютной простоты*? Нашъ внутренній опытъ цѣленъ, но въ высшей степени сложенъ. Лишь ставъ объектомъ и будучи представляема по образцу простѣйшаго мыслимаго объекта, душа получаетъ эту метафизическую простоту. А поставленная въ соотношеніе съ другими подобными существами, она должна стать пространственнымъ объектомъ между другими объ-

ектами, несмотря ни на какія увѣренія, что подъ всѣми этими соотношеніями не нужно разумѣть ничего пространственнаго, такъ какъ пространство есть лишь представленіе, создаваемое въ отдѣльной душѣ. Вмѣсто того, чтобы, такимъ образомъ, успокаивать свою совѣсть послѣ разсужденій, извлеченныхъ цѣлкомъ изъ пространственнаго воззрѣнія, слѣдовало-бы на основаніи феноменной природы пространства съ самаго начала удержаться отъ того, чтобы душу, духовная дѣятельность которой производитъ пространство, самое дѣлая пространственною вещью.

Въ самомъ дѣлѣ, пока мы твердо держимся точки зрѣнія внѣшняго опыта, который предполагаетъ пространство со всѣмъ, что оно содержитъ, дѣйствительно существующимъ, уже потому не можетъ быть рѣчи о мѣстѣ души, что духовныя проявленія, какъ таковыя, нигдѣ во внѣшнемъ опытѣ не встрѣчаются. Въ послѣднемъ мы можемъ видѣть лишь внѣшніе процессы движенія, которые мы хотя и относимъ иногда къ духовному бытію, но никогда не идентифицируемъ съ нимъ. Такъ что не можетъ быть рѣчи о локализациі нашихъ духовныхъ функцій, но лишь о локализациі извѣстныхъ физиологическихъ процессовъ, которые, по нашимъ наблюденіямъ, какъ фактъ внѣшняго опыта, сопровождаютъ опредѣленные воспріятія внутренняго. Но тѣ физиологическіе процессы, которые мы въ этомъ смыслѣ находимъ правильными спутниками нашей духовной жизни, нигдѣ въ опредѣленномъ пунктѣ не сосредоточены; они даже не ограничены однимъ мозгомъ, но все тѣло, прежде всего внѣшніе органы чувствъ и движеній, являются необходимыми послѣдствіями духовнаго развитія.

Совершенно измѣняется положеніе вещей, когда мы

станем на точку зрѣнія внутреннего опыта. Тутъ оказывается, что все наше воспріятіе внѣшняго міра, вмѣстѣ съ обнимающей его формой, пространствомъ, есть продуктъ нашего собственного сознанія, и психологія показываетъ, какъ содержаніе и форма нашихъ чувственныхъ воспріятій цѣлкомъ зависятъ отъ внутреннихъ процессовъ. Изъ этого мы, конечно, не выведемъ, что міръ внѣ насъ это—обманчивое видѣніе, существующее лишь въ нашемъ представленіи. Ни одна философія не можетъ уничтожить убѣжденія въ томъ, что объекты внѣ насъ существуютъ. Если психологія указываетъ духовные процессы, которые руководятъ нашими взглядами на объекты, то она доказываетъ только, что наше уразумнѣе вещей зависитъ отъ насъ самихъ, а не то, что вещи получаютъ свое существованіе лишь благодаря намъ. Мы, правда, можемъ исправлять результаты нашего непосредственного опыта, если намъ представляются основанія для подобной поправки; но безосновательно оспаривать его существованіе мы не имѣемъ никакого права. Въ этомъ смыслѣ, слѣд., непреклонно, что бѣлый цвѣтъ, приписываемый нами солнечному свѣту, принадлежитъ лишь нашему ощущенію, и субъективныя явленія нашего чувственного воспріятія имѣютъ вліяніе даже на сужденіе объ образѣ, въ которомъ мы видимъ солнце, на отношенія къ пространству, въ который мы его ставимъ. Но если-бы мы стали отрицать существованіе самаго солнца, то подобное утвержденіе было-бы не менѣе эфирно передъ судейскимъ трибуналомъ физическаго познанія, чѣмъ передъ судомъ обыкновеннаго міровоззрѣнія. Ибо если уже послѣднее справедливо требуетъ основанія для каждаго утвержденія, то философія въ гораздо большей мѣрѣ должна быть осторожнѣе и не падать безосновательныхъ утверждений.

Изъ этихъ разсужденій вмѣстѣ съ тѣмъ вытекаетъ, однако, что внѣшній и внутренний опытъ имѣютъ далеко не одинаковую цѣну. Предметы внѣшняго опыта должны быть приняты и усвоены нами духовно; слѣд., природа духовныхъ явленій, которыя при этомъ дѣйствуютъ, цѣлкомъ опредѣляетъ способъ воспріятія первыхъ. Напротивъ, наше собственное мышленіе и чувствованіе дано намъ непосредственно. Поскольку оно возбуждается внѣшними объектами и поскольку оно ихъ касается, эти объекты имѣютъ лишь посредственную реальность всякаго внѣшняго опыта; наше-же мышленіе и чувствованіе есть непосредственный и при томъ единственно непосредственный предметъ нашего познанія. Но именно поэтому также невозможно смѣшивать эту нашу духовную дѣятельность съ объектами посредственной реальности, которые формою, въ какой они намъ даны, обязаны этой самой духовной дѣятельности. Если мы подъ душою разумѣемъ непосредственный субъектъ нашего мышленія и чувствованія вообще, то мы, слѣд., не можемъ говорить о ея мѣстопребываніи. Душа вѣдь ни что иное, какъ само это мышленіе и чувствованіе, которому мы, независимо отъ предметовъ, которыхъ оно касается и которые оформляются, не можемъ придать ни формы, ни цвѣта, ни тона. Мѣсто въ пространствѣ занимаютъ лишь физическія явленія, сопровождающія въ нашемъ внѣшнемъ опытѣ всякую духовную дѣятельность, принадлежащая къ тѣмъ объектамъ посредственного познанія, которое оформляетъ наше сознаніе по лежащимъ въ немъ законамъ.

Едва-ли еще нужно говорить, что духовное бытіе, какъ единственный предметъ непосредственного познанія, именно потому и наиболѣе достоверно. И это тѣмъ болѣе къ счастью, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ этически

болѣ цѣнное. Правда, благодаря чувственной природѣ нашего мышленія все содержаніе нашей духовной жизни связано съ представленіями, объектъ которыхъ остается для насъ во внутренней своей природѣ неизвѣстнымъ; однако, рядъ заключеній привелъ насъ къ убѣжденію, что мы окружены подобными намъ духовными существами, съ которыми насъ связываетъ общее стремленіе къ одинаковымъ нравственнымъ благамъ. Это одно убѣжденіе дѣлаетъ наше бытіе жизнерадостнымъ. Оно заставляетъ чувствовать нравственную потребность, чтобы та дѣйствительность вещей, которая скрыта подъ чувственнымъ покровомъ нашихъ представленій, гармонировала съ духовнымъ бытіемъ, которое мы въ себѣ находимъ.

1881.
